

Многокомпонентная система позиционирования Китая в Арктике: теория и практика

Н. А. Николаев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23

Для цитирования: *Николаев Н. А.* Многокомпонентная система позиционирования Китая в Арктике: теория и практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 3. С. 260–275. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.302>

В статье рассматривается теория разработки подходов арктического позиционирования Китая в Арктике, а также политико-дипломатическая практика по их реализации. Китайские «поиски себя» в Арктике с конца 2000-х по конец 2010-х годов перерастают в многокомпонентную систему арктического позиционирования Китая, состоящую из шести официально имплементируемых Пекином подходов: арктическое измерение «ответственной крупной державы», «околоарктическое государство», «важное заинтересованное государство-участник», «активный участник», «строитель» и «акционер». Свообразным «скрепляющим звеном» многокомпонентной системы выступает взаимодополняемость сильных сторон подходов арктического позиционирования Китая. Так, если «околоарктическое» позиционирование подчеркивает особое геостратегическое место Китая среди неарктических государств, то подход «важного заинтересованного государства-участника» — «особую роль Пекина» в арктических делах. В работе проанализированы китайские варианты заимствованных у Запада подходов, а также их содержательное отличие от оригинальных версий. Анализ китайского экспертного дискурса позволил осмыслить процесс формирования подхода позиционирования от идеи до официально заявленного концепта, реализуемого в рамках внешнеполитического курса Китая. Это актуально с точки зрения понимания того, как формируется современная внешнеполитическая идентичность Китая. Отдельно изучены сильные и слабые стороны каждого из подходов позиционирования Китая в Арктике. Проанализирована практика имплементации китайских подходов позиционирования в Арктике, а также реакция Запада и так называемой арктической семерки. Подробно проанализированы официальные документы и заявления по арктическому позиционированию Китая. Сопоставлено содержание экспертной версии подходов позиционирования Китая в Арктике с официальной трактовкой, изложенной в нормативных документах и заявлениях.

Ключевые слова: арктическое позиционирование, околоарктическое государство, важное заинтересованное государство-участник, ответственная крупная держава.

Введение. Причины и истоки формирования арктического позиционирования Китая

Данная работа направлена на всесторонний анализ подходов арктического позиционирования Китая как элементов многокомпонентной системы с учетом особенностей формирования современной китайской идентичности и имплементации текущего политического курса в Арктике.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Современная китайская идентичность претерпевает новые изменения в условиях глобализации общественного мнения и переосмысления роли страны в международных делах. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. начинается формирование современной китайской трактовки нормативной идентичности и обеспечение ее связи с национальной идентичностью. Одним из важных связующих звеньев обеспечения этой связи выступает формирование внешнеполитического измерения китайской идентичности с опорой на рекитаизацию и реидеологизацию внешней политики Китая [1, с. 205].

В этой связи в китайском дискурсе предпринимается попытка адаптировать внешнеполитическую идентичность Китая как часть политики по повышению «дискурсивной силы» Пекина в арктических делах. Под китайским концептом «дискурсивной силы», как отмечает ведущий российский ученый И. Л. Прохоренко, понимается контроль над дискурсом в региональном и глобальном масштабах, позволяющий организовать мировой порядок [2, с. 81]. В отношении Арктики Китай стремится создать «дискурсивную реальность», в которой формирование арктических «правил игры» отвечало бы его интересам или хотя бы в какой-то степени учитывало их.

Первым шагом в этом направлении становится попытка разработать арктическое измерение идеи «ответственной крупной державы».

Указанные тенденции в совокупности с отсутствием собственного подхода позиционирования в Арктике в конце 2000-х годов вызвали у Китая «кризис идентичности» в арктической политике. Этот кризис усугублялся тем, что до мая 2013 г. КНР все еще не имела международно признанного статуса постоянного наблюдателя Арктического совета (АС), т. е. оставалась «неарктическим государством» [3, с. 48–49].

В 2010-х годах проблема поиска подходов позиционирования Китая в Арктике актуализируется в связи с влиянием новых тенденций:

1) появлением формата встреч глав МИД «арктической пятерки», воспринятым в китайских экспертных кругах как усиление тренда на сужение состава «арктического клуба», т. е. как «отход от курса на интернационализацию Арктики в сторону ее большей регионализации и развития эксклюзивной модели регионального сотрудничества» [4, с. 67; 5, р. 3–4];

2) отсутствием градации неарктических государств по их международно-политическому положению, что воспринималось в китайских экспертных кругах как «несправедливость» по отношению к «более крупным и влиятельным неарктическим государствам» — Китаю, Японии, Индии и странам Евросоюза [6, с. 81]. С точки зрения китайских исследователей, сохранение такой «несправедливости» в условиях «роста веса влиятельных неарктических государств» на фоне глобализации демонстрирует «недальновидность позиции арктических государств» [6, с. 81].

Получение Пекином в мае 2013 г. статуса наблюдателя в АС не решило проблему с недовольством Китая своей ролью в арктических делах, а также не удовлетворило его запрос на «предоставление права голоса» в этой сфере. В связи с этим Пекин самостоятельно начинает искать пути для достижения этих задач — запускается дискурс по формированию подходов позиционирования Китая в Арктике с определением круга его «ответственности» и роли в международном регулировании Арктики.

Экспертные поиски подходов китайского позиционирования в Арктике

С начала 2010-х годов в китайских экспертных кругах начинают выдвигаться разнообразные подходы к определению целей и средств арктического позиционирования, к которым следует отнести:

- продвижение китайских экономических интересов в Заполярье и выполнение задач по «гармонизации Арктики». Инструментами их достижения выступают двусторонняя и многосторонняя дипломатия [6, с. 81];

- преодоление «несправедливого характера» правового режима Арктики. По словам доцента Океанского университета Китая Сунь Кая, признание китайского позиционирования в Арктике позволит Пекину выстроить и проводить более всестороннюю политику в арктическом направлении с полным вовлечением в арктические дела. Этой цели Китай стремится достичь после получения статуса наблюдателя в АС путем использования дипломатических средств и активного инвестирования в Арктике [7, с. 43–44];

- разрешение проблемы с неопределенностью китайского позиционирования путем обеспечения большего вклада в развитие и углубление сотрудничества. По мнению исследователя Сямэньского университета Дун Лимина, это позволит Пекину повысить политическое доверие, которое в свою очередь поможет избежать дополнительных рисков от усиливающегося восприятия Китая как «политически чужого» в Арктике [4, с. 69].

Китай как «ответственная крупная держава» в Арктике

Развернувшиеся в первой половине 2010-х годов дискуссии вокруг темы увеличения доли ответственности Китая в международных делах способствовали актуализации вопроса повышения роли Пекина и в арктической политике. Это заложило предпосылки для разработки арктического измерения идеи «ответственной крупной державы».

В 2012 г. одним из первых целесообразность позиционирования Китая как «ответственной крупной державы» в Арктике допустил в своем интервью заместитель директора Шанхайского института международных исследований (SIIS) Янь Цзян. По его мнению, Китай, опираясь на принципы взаимной выгоды и выигрыша, должен взять «ответственность крупной державы» в арктических делах в таких вопросах, как защита экосистемы и регулирование коммерческого освоения Арктики [8].

После получения Китаем в 2013 г. статуса наблюдателя АС и актуализации интереса экспертов к перспективам арктической навигации в 2014 г. Янь Цзян рекомендует Пекину укреплять потенциал страны для «несения глобальной ответственности крупной державы» в арктических делах, а к числу приоритетных вопросов добавляет участие в освоении арктических морских путей [9, с. 123, 136–137].

Идея выстраивания арктического измерения «ответственной крупной державы», предложенная Янь Цзяном, получила поддержку в экспертных кругах. В 2015 г. Дунь Лимин в целях отхода от отождествления Китая с неарктическими государствами призвал Пекин позиционировать страну в Арктике одновременно

в двух качествах: как «ответственную крупную державу» и «заинтересованное государство-участник» [10].

Однако наблюдается расхождение мнений по поводу того, в каких именно сферах Китая целесообразнее позиционировать себя как «ответственная крупная держава». В рамках дискурса предпринимаются попытки адаптировать эту идею под условия арктического позиционирования Китая. Так, в 2017 г. Дун Лимин предложил связать концептуальные основы идей «ответственной крупной державы» и «важного заинтересованного государства-участника» в единой формулировке — «ответственного важного заинтересованного государства-участника» [4, с. 69].

В середине 2010-х годов желание Пекина брать на себя больше ответственности в Арктике впервые было озвучено официальными лицами КНР. Так, в ноябре 2015 г. официальный представитель МИД КНР Хун Лэй (2010–2016) заявил, что в круг ответственности Китая в Арктике можно включать обеспечение мира, стабильности и устойчивого развития совместно с заинтересованными странами [11]. В октябре 2016 г. спецпредставитель МИД КНР Гао Фэн заявил, что Китай «со всей ответственностью и конструктивностью» будет принимать участие в «управлении Арктикой» [12].

Арктическая белая книга КНР 2018 г. стала первым официальным документом, где этот подход упоминается как основа международно-политического позиционирования Китая в Арктике на базе принципов «взаимоуважение», «равноправное сотрудничество», «(взаимная) выгода» и «устойчивость». В документе также отмечается, что Китай как «ответственная крупная держава» совместно с другими странами должен «ухватиться за историческую возможность» участия в развитии Арктики, внести свой вклад в:

- 1) устойчивое развитие, обеспечение мира и стабильности в регионе;
- 2) «активную борьбу» с вызовами в Арктике;
- 3) совместное изучение, защиту, освоение и управление Арктикой;
- 4) «активное продвижение совместного строительства» инициативы «Пояса и пути» во благо развития регионального сотрудничества Арктики;
- 5) «активное продвижение строительства сообщества судьбы Арктики» [13].

В этой связи новыми тенденциями дискурса, наблюдаемыми в конце 2010-х — начале 2020-х годов, выступают поиски:

- способов и средств Китая возложить на себя больше ответственности в Арктике с учетом эксклюзивного характера системы арктического сотрудничества и реального положения страны как «неарктического» государства;
- путей сопряжения китайских интересов в Арктике с интересами арктических заинтересованных сторон в вопросе повышения «дискурсивной силы».

«Околоарктическое» позиционирование Китая

В конце 2000-х годов тезис прямой общности и взаимовлияния экосистем Арктики и Китая на фоне набравших популярность геополитических исследований получил развитие как обоснование нового китайского подхода позиционирования в Арктике — как «околоарктического государства». По аргументации и названию этот подход напоминает одноименный британский вариант. Однако официально

китайский вариант идеи «околоарктического государства» имеет местные истоки и своего автора — научного сотрудника Отделения по изучению полярной политики Института полярных исследований Китая (Polar Research Institute of China) Чжанья Ся, выдвинувшего его в 2010 г. [14].

В ноябре 2012 г. посол КНР в Швеции Лан Личжун (2011–2013), выступая на встрече председательствующей в АС Швеции (2011–2013) с постоянными и специальными наблюдателями Форума, впервые назвал Китай «околоарктическим государством» [15, с. 145]. По западным оценкам, это усугубляло рост опасений по поводу активности Китая («теории китайской угрозы») в Арктике [16].

К 2010 г. в рамках внутрикитайского дискурса сформировался консенсус по основным аргументам обоснования «околоарктического» позиционирования Китая — ими стали географическая близость территории страны к Северному полярному кругу и взаимосвязь китайской экосистемы с арктической [4, с. 68; 17, с. 338–340, 405]. Эти признаки, как предполагалось, должны были отличать Китай от не обладающих ими неарктических государств, расположенных южнее и дальше от Северного полярного круга. При этом, по словам китайских исследователей, обоснование географической близости Китая к Арктике в китайском варианте подхода уступает очевидным преимуществам аргументов британского аналога, так как север Соединенного Королевства расположен ближе к Северному полярному кругу, чем северные территории Китая и других неарктических государств. В этой связи есть вероятность, что применяемые Пекином аргументы обоснования данного подхода могут в равной степени быть заимствованы или применены другими неарктическими государствами, например Японией, Польшей и Нидерландами.

С 2013 г. идея «околоарктического государства» берется в китайских исследованиях за основу позиционирования Китая в вопросах освоения и эксплуатации арктических морских путей [18, с. 6].

Несмотря на указанные недостатки этого подхода, в дискуссиях продолжают попытки дополнять доказательную базу аргументации географической близости Китая к северным полярным широтам, вплоть до попыток доказать «околоарктичность» Китая в рамках полярной азимутальной проекции [19, с. 55]. Однако в официальных заявлениях и документах продолжает применяться отсылка к устоявшемуся обоснованию географической близости Китая к Арктике и взаимосвязи его экосистемы с арктической [20]. На эти же тезисы опирается обоснование идеи Китая как «околоарктического государства» в арктической Белой книге 2018 г. [13], где эта идея официально закрепляется в качестве одного из основных элементов современной модели внешнеполитической идентичности Китая в формулировке: «КНР — одна из континентальных стран, наиболее близко расположенных по суше к Северному полярному кругу» [13].

Ожидается, что в 2020-х годах идейно-концептуальная часть подхода «околоарктического» позиционирования продолжит наполняться новым содержанием. Однако, как показывает практика, в официальных документах и заявлениях Пекина наблюдается тенденция к избеганию отсылки на заявленную «околоарктичность».

Китай как «важное заинтересованное государство-участник» в арктических делах

Как уже отмечалось, признание Китая на международном уровне как «заинтересованного государства-участника» в Арктике на практике не гарантирует ему необходимую статусность в арктических делах. Этот факт и нейтральный политический подтекст статуса «заинтересованного государства-участника» получают высокую оценку в китайских экспертных кругах, к тому же этот подход лишен недостатков других подходов, в частности «околоарктического государства», и потому не требует приложения усилий по своему утверждению [3, с. 50]. Вместе с тем, по словам критиков, недостатком идеи «заинтересованного государства-участника» выступает отсутствие точной географической привязки к Арктике [21, с. 129].

Однако в китайских экспертных кругах не ограничиваются признанием преимуществ подхода позиционирования Китая как «заинтересованного государства-участника». В рамках дискурса уже внутри Китая продолжается поиск нового содержательного наполнения официально признанного подхода позиционирования Китая, который бы подчеркивал особый международно-политический статус Китая в Арктике. К традиционным аргументам о взаимосвязи экосистем и вклада Пекина в научное освоение Арктики добавляется заинтересованность Китая в повышении «дискурсивной силы» в арктических делах на основе гипотетической общности позиций с внерегиональными (неарктическими) государственными акторами, такими как Япония, Сингапур, Южная Корея и Индия [21, с. 129].

Впервые тезис о Китае как «заинтересованном государстве — участнике арктического региона», подразумевающий тесную связь государственных интересов, внутренних потребностей и практики внешней политики страны, был выдвинут в мае 2013 г. исследователем Института международных отношений Китайского народного университета Ван Синьхэ [6, с. 81]. Позже тезис Ван Синьхэ получил развитие в рамках дискурса в экспертных и дипломатических кругах. В 2014 г. доцент Океанского университета Китая Сунь Кай предложил развивать концептуализацию данного тезиса в дополнение к статусу наблюдателя Китая в АС и реализации перспектив повышения дискурсивной власти в Арктике [22]. В 2015 г. исследователь Факультета международного права Сямэньского университета Дунь Лимин предложил усиливать ассоциацию Китая с образом «заинтересованного государства-участника» на основе успехов и на практике в этом качестве уже сформировать образ «ответственной крупной державы» в Арктике, одновременно «минимизируя свою связь с неарктическим государством, навязанную эксклюзивной арктической средой и не способствующую решению более актуальных проблем Арктики, например в отношении борьбы с климатическими изменениями» [10].

В официальном международном дискурсе устоялась формулировка тезиса, подчеркивающая отличие Китая от других неарктических государств, — «важное заинтересованное государство-участник». Впервые ее использовал в октябре 2015 г. в своей речи глава МИД КНР Ван И, выступая на пленарном заседании 3-й Ассамблеи «Арктического круга» [23], а его заместитель Чжан Минь (2013–2017) на специальной страновой сессии выдвинул политические предложения Пекина, выступающего в этом качестве [20]. В марте 2017 г. в Архангельске на международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога» вице-премьер

Госсовета КНР Ван Ян (2013–2018) заявил, что Китай является «важным заинтересованным государством-участником» в силу «прав давнего участия в арктических делах» [24].

Таким образом, подход «важного заинтересованного государства-участника» в рамках дипломатии высокого уровня в Арктике основывается на дипломатическом опыте утверждения Китая как «самой крупной развивающейся страны», имеющей общие интересы с остальными развивающимися странами.

С 2016 г. идея «важного заинтересованного государства-участника» начинает рассматриваться как подход по усилению позиционирования Китая в вопросе будущих режимов международного регулирования в центральной части Северного Ледовитого океана [25, с. 100].

Отсутствие четких критериев географической близости к Северному полярному кругу в случае с идеей «околоарктического государства» позволило китайским исследователям заметно расширить состав предполагаемых «заинтересованных государств-участников» арктической политики. Общего консенсуса по вопросу о том, какие именно государства к ним относятся, в китайских экспертных кругах так и не сложилось, но, как правило, к ним причисляют Японию, Индию, Сингапур, Евросоюз, Южную Корею и даже арктическую Исландию [25, с. 100; 10, с. 76]. Логическим развитием этого сценария, как отмечает ряд китайских исследователей, должно стать создание совместного механизма арктических «заинтересованных государств-участников», в котором ведущую направляющую роль будут играть Япония и Китай [10, с. 76; 26, с. 10]. Однако воплощение этой идеи на практике представляется малоперспективным из-за иной позиции Токио. Так, в официальном японском документе по политике в Арктике отсутствуют планы развития сотрудничества с неарктическими государствами [27, р. 4].

В начале 2018 г. промежуточные результаты внутрикитайского дискурса по идее «важного заинтересованного государства-участника» были отражены в арктической Белой книге как основа позиционирования Китаем своего «особого» статуса и роли в Арктике. В документе приведены новые аргументы в пользу этой идеи, представляющие Китай по умолчанию вовлеченным в арктические дела [13].

Резюмируя, стоит отметить, что в официальных заявлениях и арктической Белой книге КНР позиционирование Китая как «важного заинтересованного государства-участника» в Арктике упоминается в паре с идеей «околоарктического государства», как бы подчеркивая ее второстепенную, дополняющую роль по отношению к первому. Примечательным является то, что позиционирование Китая как «околоарктического государства» и «ответственной крупной державы» в Арктике подверглось критике со стороны официальных лиц и экспертного сообщества Запада, в отличие от «важного заинтересованного государства-участника». Такая негативная реакция со стороны Запада прогнозировалась [10, с. 69].

По словам китайских экспертов, принятие на международном уровне позиционирования Китая в Арктике как «важного заинтересованного государства-участника» даст ему возможность выдвигать собственные принципы и предложения по развитию арктического международного сотрудничества, а также позволит Пекину повысить прозрачность своей политики и снять опасения, связанные с ростом экономической активности страны в Заполярье («арктическая теория китайской угрозы») [28]. Однако критики этого подхода указывают на такие его недостатки,

как отсутствие географического обоснования и закрепленного на международно-правовом уровне статуса страны в качестве наблюдателя АС.

Ряд российских экспертов воспринимает концепты «околоарктического государства» и «важного заинтересованного государства-участника» как «ключевые понятия, которыми Китай описывает свой статус в Арктике», призванные «закрепить права Китая на свое слово в арктической политике» и «влиять на формирование повестки и правил игры с учетом китайских интересов», а также «корректировать негативный образ Китая как слишком амбициозного чужака» [29, с. 17].

Позиционирование Китая как «активного участника», «строителя» и «акционера» в арктических делах

Помимо рассмотренных нами идей, Пекин в Белой книге выдвинул еще три подхода к своему позиционированию в Арктике — «активный участник» (*цзицици цзяньшечжэ*), «строитель» (*цзяньшечжэ*) и «акционер» (*гуницзяньчжэ*) [13]. Эти формулировки заимствованы из выступлений Си Цзиньпина в 2014 г. на конференции в честь 60-летия индийско-китайского соглашения «Пять принципов мирного сосуществования» [30] и в сентябре 2015 г. на сессии Генассамблеи ООН, где он говорил о «Китае как “участнике”, “строителе” и “акционере” существующей международной системы» [31]. Годом позднее формулировки были конкретизированы в речи Си Цзиньпина о роли Китая в реформировании международного порядка и глобального управления в области торговли, экономики и охраны окружающей среды [32; 33].

Параллельно шла их адаптация к формирующимся основам политики Китая в Арктике. Для этих целей был также заимствован тезис о Китае как «активном участнике» из заявлений исландских, датских и гренландских официальных лиц (одним из первых отсылку к этой формулировке позиционирования Китая в августе 2012 г. сделал президент Исландии Оулавюр Рагнар Гримссон (1996–2016) [34]).

В 2014–2015 гг. Янь Цзянь впервые вводит в оборот экспертного дискурса адаптированные формулировки рассматриваемого подхода: Китай позиционируется как «важный строитель» (*чжуньяо цзяньшечжэ*) и «акционер» арктической политики [9; 35].

Представление о Китае как «важном строителе» международной системы охраны окружающей среды подкреплено его ролью «глобальной державы», постоянного члена Совета Безопасности ООН и страны — подписанта Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Статус «акционера» подкрепляется стремлением Китая внести свой «весомый вклад» в деятельность международных организаций и подразделений ООН в области регулирования защиты экологии и борьбы с климатическим изменением, а также путем участия в процессе разработки международных правил в Арктике, в том числе в области морского судоходства и охраны окружающей среды.

Адаптированные формулировки Янь Цзяня получили положительный отклик в китайских экспертных кругах, но не были взяты на вооружение Пекином. Официально на международном уровне стала применяться формулировка из речей Си: Китай — «строитель» мира и стабильности и «акционер» глобального развития [36].

Таким образом, устоялась формулировка «Китай — “активный участник”, “строитель” и “акционер” в арктических делах», впервые официально прозвучавшая в таком варианте в марте 2017 г. в речи вице-премьера Госсовета КНР Ван Яна на форуме «Арктика — территория диалога» [24].

В январе 2018 г. в арктической Белой книге Пекин, опираясь на этот подход китайского позиционирования, выдвигает инициативу «строительства сообщества судьбы человечества» и выражает готовность делиться возможностями китайской мощи и «мудрости во благо развития Арктики» [13].

Структура арктической идентичности Китая

Резюмируя результаты рассмотрения материалов, важно констатировать, что основными причинами поиска подходов китайского позиционирования в Арктике выступают:

1) отсутствие у Китая устойчивых культурно-исторических, торгово-экономических и социально-политических связей с Заполярьем, усиливающее восприятие Пекина как «политически чужого» в Арктике [37, с. 22]. В этой связи китайские подходы по позиционированию в Арктике являются одним из инструментов преодоления такого восприятия путем укрепления связи с арктическими государствами в области развития арктической навигации [38, с. 121];

2) стремление преодолеть ограничения правового режима Арктики, налагаемые на Китай в силу его неарктического статуса путем повышения «дискурсивной силы» и улучшения имиджа страны.

Одновременно разнообразие официально применяемых подходов позиционирования Китая в Арктике отражает отсутствие консенсуса по определению места и роли страны в арктической международной среде, а также демонстрирует незавершенность процесса их анализа и осмысления.

Все подходы китайского позиционирования в Арктике условно можно объединить в многоуровневую систему, где каждый из них вносит собственное содержание в представления об особости, географическом положении, «отличиях» Китая от остальных неарктических государств, расположенных заметно южнее Северного полярного круга. При этом важно учесть источники китайских подходов, к которым относятся:

1) политическая лексика официальных лиц арктических государств — из нее заимствованы категории «заинтересованное государство-участника», «ответственная крупная держава» и «активный участник».

- концепции, существующие в неарктических государствах (в частности, Великобритании) — отсюда происходит идея «околоарктического государства», адаптированная к китайскому варианту и отличающаяся от британской своей аргументацией;

3) исконно китайские подходы:

- позиционирование Китая как «сильной полярной державы», предложенное высокопоставленными представителями фракции «комсомольцев», в том числе Сюй Шаоши;

- официально признанные формулировки «важный строитель» и «акционер», заимствованные из речей Си Цзиньпина и позже развитые заместителем директора SIPS Янь Цзяном [9, с. 125–135].

Выдвинутые подходы арктического позиционирования в экспертных кругах рассматриваются как один из инструментов по уравниванию Китая в правах с «арктической восьмеркой». Успешное утверждение арктического позиционирования Китая — один из показателей результативности внешнеполитического курса Си Цзиньпина в Арктике. В этой связи возможный успех или провал этой работы может в той или иной степени повлиять на общественное восприятие Си в Китае.

Если подход «важного заинтересованного государства-участника» призван помочь Китаю позиционировать себя в арктических делах, то позиционирование Китая как «околоарктического государства» должно служить закреплению геостратегических позиций Пекина в Арктике [7, с. 42].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, важно отметить, что позиционирование Китая в Арктике представляет собой многокомпонентную, комплексную систему. Каждый из подходов стоит рассматривать как взаимодополняющий элемент системного целого, которое Пекин на практике пытается обосновать и закрепить как свою «арктическую идентичность» на фоне противодействия Запада.

В западных экспертных кругах одностороннее выдвижение официальной заявки Китая на свою «околоарктичность» было квалифицировано как претензия пересмотреть устоявшуюся систему арктического сотрудничества. Именно поэтому позиционирование Китая как «околоарктического государства» получило наиболее широкий отклик на Западе и при этом было воспринято негативно, в то время как британское позиционирование с подчеркнуто нейтральной формулировкой, намекающей лишь на географическую близость к Заполярью («Великобритания — ближайший сосед Арктики»), не вызвало критики.

Однако, несмотря на негативную реакцию Запада, китайские официальные лица в конце 2010-х годов продолжали активно использовать в своих речах формулировку «околоарктическое государство», что свидетельствует о том, что Пекину на руку резонанс вокруг этой темы. На наш взгляд, выдвижение этого подхода произвело такой же эффект, как рост интереса арктических государств к перспективам китайских инвестиций в конце 2000-х годов, но только не положительный, как в первом случае, а негативный.

Наивысший уровень, на котором упоминались официально выдвинутые подходы к позиционированию Китая в Арктике, — это заявление вице-премьера Госсовета КНР Ван Яна в 2017 г. в Санкт-Петербурге. Отсутствие упоминаний о них в риторике Си Цзиньпина, премьеров Госсовета КНР Ли Кэцзяна (2013–2023) и Ли Цяна (с 2023 г.), на наш взгляд, обусловлено тремя причинами:

1) нежеланием высшего китайского руководства привлечь излишнее внимание к китайской деятельности в Арктике и провоцировать Запад на новые спекуляции вокруг «теории китайской угрозы»;

2) неуверенностью в успехе их применения и неготовностью Пекина брать излишнюю ответственность за возможный провал, что может создать риск негативной общественной реакции внутри самого Китая;

3) негативным опытом, связанным с восприятием на Западе слов о Китае как «околоарктическом государстве». Как показала практика, это вызвало рост

озабоченности китайскими амбициями в Арктике, а также стало одной из причин приостановки австралийско-китайского взаимодействия в антарктическом направлении.

Официальное признание подходов к позиционированию Китая в Заполярье, выдвинутых в рамках китайского дискурса, является наглядным примером стратегической роли академического сообщества в процессе принятия внешнеполитических решений по формированию имиджа Китая в Арктике.

Резюмируя результаты анализа китайского арктического дискурса, стоит отметить, что в политике разработки и имплементации различных подходов позиционирования Китая в Арктике важную роль играет академическое сообщество. Отдельного внимания заслуживают экспертные подходы к китайскому позиционированию в Арктике, которые по той или иной причине не были взяты на вооружение Пекином. Это тема будет рассмотрена в следующей статье.

Литература

1. Ломанов, А. В. (2017), Неоконсерватизм с китайской спецификой, *Россия в глобальной политике, спецвыпуск: Консерватизм во внешней политике: XXI век*, 22 августа. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/neokonservativizm-s-kitajskoj-specifikoj/> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Прохоренко, И. Л. (2023), Дискурсы полицентричного мира и «новой нормальности», в: Семенов, И. С. (отв. ред.), *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*, М.: Весь Мир, с. 77–85.
3. Yuan Jianping (2016), “Near-Arctic State” or “an important stakeholder” — Reflections on China’s Arctic Identity, *International Forum*, vol. 18, iss. 1, January. URL: <https://www.doc88.com/p-1813146218791.html> (дата обращения: 04.03.2021). (На кит. яз.)
4. Dong Limin (2017), Theory and Practice of China’s Identity Formation as an important stakeholder in Arctic affair, *Pacific Journal*, vol. 25, iss. 6, July. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2017.6.006> (На кит. яз.)
5. Grieger, G. (2018), China’s Arctic policy. How China aligns rights and interests, *European Parliamentary Research Service*, May. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI\(2018\)620231_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI(2018)620231_EN.pdf) (дата обращения: 07.02.2020).
6. Wang Xinhe (2013), China’s Arctic Identity from the Perspective of State Interests, *Pacific Journal*, vol. 21, iss. 5, pp. 81–89. (На кит. яз.)
7. Sun Kai (2015), China’s Arctic Diplomacy: Theory, Practice and Approaches. *Pacific Journal*, iss. 5, pp. 37–45. (На кит. яз.)
8. Shi Xishen, Ho Taoshun and Chu Ya (interviewers) (2012), Arctic development, with whom should China cooperate?, *China Economic Weekly*, November 6. URL: <https://finance.sina.com.cn/roll/20121106/012413583527.shtml> (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)
9. Yan Jiang (2014), Arctic maritime shipping and its position in China’s Arctic policy, *International Observer Journal*, iss. 1, pp. 123–137. (На кит. яз.)
10. Dong Limin (2015), China should make less reference to ‘non-Arctic state’ status, *International Polar and Maritime Portal*, May 31. URL: <http://www.polaroceanportal.com/article/201> (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
11. Chinese Foreign Ministry spokesperson Hong Lei held a regular press conference (2015), *Website of the Embassy of the People’s Republic of China in Switzerland*, November 20. URL: http://ch.china-embassy.gov.cn/fyrth/201511/t20151120_3212433.htm (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)
12. Gao Feng, Special Representative for Climate Change Negotiations of the Foreign Ministry of China — Full Speech (2019), *Channel of the Arctic Circle on YouTube*, December 30. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WaurtnBkYEI&list=PLI0a77tmNMvS3Gb3U9tB0T0CSkot7KYVc&index=65> (дата обращения: 07.05.2020).
13. *China’s Arctic Policy White Paper* (2018), URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)

14. About Zhan Xia of the Office of Polar Policy Research, PRC PRIC, *Website of China Polar Research Unit*. URL: <https://www.pric.org.cn/index.php?c=category&id=43> (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
15. Xu Qingchao and Wang Haimei (2021), Chinese Arctic Studies in the 21st Century: Progress and Challenges — Interview with Assistant and Research Fellow Xu Qingchao, *Journal of International Policy Studies* (Bimonthly Edition), iss. 4. URL: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (дата обращения: 08.12.2021). (На кит. яз.)
16. Jakobson L. (2012), Northeast Asia Turns Its Attention to the Arctic, *NBR Analysis Brief*, December 17. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/121712_Jakobson_Arctic-Council.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
17. Lu Zhongyuan (2010), *Arctic Geopolitics and Confronting China*, Beijing: Actuality Publishing House. (На кит. яз.)
18. Li Zhengfu and Li Yi (2014), Analyzing the impact of Arctic sea lanes on the world shipping system, *Journal of World Geology Research*, vol. 23, iss. 1. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1004-9479.2014.01.001> (На кит. яз.)
19. He Guangqian (2017), Analyzing and Explaining China-Arctic Connectivity: A Case Study of World Cartography, *International Policy Studies*, iss. 3. URL: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2018-06/20180625100841465888.pdf> (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
20. *Keynote Speech by Deputy Foreign Minister Zhang Ming at the China Special Country Session of the 3rd Arctic Circle Assembly* (2015), October 10. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zjyh_674906/201510/t20151017_7945486.shtml (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
21. Li Zhengfu and Li Shiyue (2020), Chinese Research on Arctic Issues: General Development Context, Support Mechanisms and Development of Knowledge Industries, *Journal of Russian, Eastern European and Central Asian Studies*, iss. 5. URL: <http://www.oymj-oys.org/UploadFile/Issue/viansrbu.pdf> (дата обращения: 08.12.2021). (На кит. яз.)
22. Sun Kai (2014), Engagement, Discursive Power Interaction and Identity Recognition — Making Sense of China's Engagement in Arctic Affairs, *Journal of World Economy and Politics*, iss. 7. CNKI:SUN:SJJZ. 0.2014-07-004 (На кит. яз.)
23. *Text of the report of China's Foreign Minister Wang Yi at the plenary session of the 3rd Arctic Circle Assembly* (2015), October 17. URL: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zjzg_673183/tyfls_674667/xwlb_674669/201510/t20151017_7670418.shtml (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
24. Wang Yang attended the 4th International Arctic Forum “Arctic — Territory of Dialogue” (2017), *Xinhua*, March 31. URL: <http://www.yuanyang.gov.cn/contents/104/9782.html> (дата обращения: 15.02.2021). (На кит. яз.)
25. Tang Jianye (2016), Protection of marine biological resources in international waters of the Arctic Ocean: a legal analysis of the initiative of the five Arctic coastal states, *Pacific Journal*, iss. 1. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2016.1.009> (На кит. яз.)
26. Guo Peiqing and Sun Han (2018), Russian-South Korean Cooperation in the Far East and the Arctic under the “New Northern Policy” and Lessons for China, *Pacific Journal*, iss. 8. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2018.8.001> (На кит. яз.)
27. *Japan's Arctic Policy. The Headquarters for Ocean Policy* (2015), October 16. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ar_e.pdf (дата обращения: 16.12.2021).
28. Yuan Zunjie: China is an important stakeholder in Arctic affairs (2018), *Zhenmin Zhibao Foreign Edition*, January 29. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/gnzjgd/46072.htm> (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)
29. Денисов, И. Е. и Зуенко, И. Ю. (2022), *От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР*. М.: МГИМО. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbc00phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 07.02.2020).
30. Xi Jinping's Speech at the Opening Ceremony of the Conference in Honor of the 60th Anniversary of the Five Principles of Peaceful Coexistence (full text) (2014), *Website of the Consulate General of the People's Republic of China in St. Petersburg*, June 29. URL: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/chn/zgxw/201406/t20140629_3868222.htm (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)
31. Build up ‘China's power’ to help build a new international order (2015), *Website of PRC State Council Press Office*, November 13. URL: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/10/Document/1455386/1455386.htm> (дата обращения: 07.02.2020). (На кит. яз.)
32. China in Global Governance (2016), *Xinhua*, November 22. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2016-11/22/c_1119967410.htm (дата обращения: 15.04.2020).

33. Xi Jinping's speech at the 70th session of the UN (full text) (2015), *Xinhua*, September 29. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 15.04.2020).

34. President of Iceland: Welcome China as a future "active participant" in Arctic affairs (2012), *Website of China's State Council*, August 21. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2012-08/21/content_2207937.htm (дата обращения: 15.04.2020).

35. Yan Jiang (2015), Arctic Governance and China's Responsibility as a Major Power (2015), *International Polar and Maritime Portal*, April 19. URL: <http://www.polaroceanportal.com/article/6> (дата обращения: 15.04.2020). (На кит. яз.)

36. Huo Jianguo (2019), 40th Anniversary of the Reform and Opening-up Policy, the capacity and level of engagement in international affairs continue to grow, *Journal of the Chinese People's Institute of International Affairs*. URL: <http://www.cpifa.org/cms/book/136> (дата обращения: 15.02.2021).

37. Михеев, В. В. (2009), Восточноазиатская «многополярность»: треугольник Россия — Китай — США, *Мировая экономика и международные отношения*, № 1, с. 17–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2009-1-17-25>

38. Li Zhengfu, Pei Shijie and Liu Sheng (2022), Analysis of the practice of participation of "near-Arctic" states in Arctic shipping, *Journal of Eurasian Economy*, iss. 3. URL: http://www.ojyj-oys.org/UploadFile/SiteContent/FJList/201606070001/2022/8//20220728113734WU_FILE_0.pdf?item_id=152637 (дата обращения: 04.03.2021). (На кит. яз.)

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г.;
рекомендована к печати 15 мая 2024 г.

Контактная информация:

Николаев Николай Анатольевич — мл. науч. сотр.; nikolaev.science1993@gmail.com

China's multicomponent self-positioning system in the Arctic: Theory and practice

N. A. Nikolaev

Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences,
23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, 117997, Russian Federation

For citation: Nikolaev N. A. China's multicomponent self-positioning system in the Arctic: Theory and practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 3, pp. 260–275. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.302> (In Russian)

The article discusses the theory of the development of China's Arctic Self-Positioning approaches, as well as the political and diplomatic practice of their implementation in the Arctic. China's search for self-identity in the Arctic from the late 2000s to the late 2010s is developing into a multi-component system of China's Arctic Self-Positioning, consisting of six approaches officially applied by Beijing — the Arctic dimension of "a responsible major country", "Near-Arctic State", "an important stakeholder in Arctic affairs", "an active participant, builder and contributor". The complementarity of the strengths of China's Arctic Self-Positioning approaches serves as a kind of "a connecting link" of the Multicomponent System. Thus, while the "Near-Arctic State" Self-Positioning emphasizes China's special geostrategic place among non-Arctic States, the "an important stakeholder" approach emphasizes China's special role in Arctic affairs. The article analyzes Chinese versions of positioning approaches borrowed from the West, as well as their substantive differences from the original versions. The analysis of Chinese expert discourse allowed us to comprehend the process of formation of the positioning approach from an idea to an officially declared

concept implemented within the framework of China's Foreign Policy. This is relevant in terms of understanding how China's Foreign Policy identity is formed in the Xi Jinping era. The strengths and weaknesses of each of the approaches of China's positioning in the Arctic are studied separately. The practice of implementing China's approaches to positioning in the Arctic is analyzed, as well as the reactions of the West and the Arctic states. Official documents and statements on China's Arctic positioning are analyzed in detail. The content of the expert version of the positioning approaches is compared with the official interpretation.

Keywords: Arctic Self-Positioning, "Near-Arctic State", "an important stakeholder in Arctic affairs", "a responsible major country".

References

1. Lomanov, A. V. (2017), Neoconservatism with Chinese Specificity. *Russia in Global Affairs, Special Issue: Conservatism in Foreign Policy: 21st Century*, August 22. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/neokonservativizm-s-kitajskoj-speczifikoj/> (accessed: 15.02.2021). (In Russian)
2. Prokhorenko, I. L. (2023), Discourses of polycentric world and "New Normality", in: Semenenko, E. (ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field*, Moscow: Ves' Mir Publ. (In Russian)
3. Yuan Jianping (2016), "Near-Arctic State" or "an important stakeholder" — Reflections on China's Arctic Identity, *International Forum*, vol. 18, iss. 1, January. Available at: <https://www.doc88.com/p-1813146218791.html> (accessed: 04.03.2021). (In Chinese)
4. Dong Limin (2017), Theory and Practice of China's Identity Formation as an important stakeholder in Arctic affair, *Pacific Journal*, vol. 25, iss. 6, July. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2017.6.006>. (In Chinese)
5. Grieger, G. (2018), China's Arctic policy. How China aligns rights and interests, *European Parliamentary Research Service*, May. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI\(2018\)620231_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/620231/EPRS_BRI(2018)620231_EN.pdf) (accessed: 07.02.2020).
6. Wang Xinhe (2013), China's Arctic Identity from the Perspective of State Interests, *Pacific Journal*, vol. 21, iss. 5, pp. 81–89. (In Chinese)
7. Sun Kai (2015), China's Arctic Diplomacy: Theory, Practice and Approaches. *Pacific Journal*, iss. 5, pp. 37–45. (In Chinese)
8. Shi Xishen, Ho Taoshun and Chu Ya (interviewers) (2012), Arctic development, with whom should China cooperate?, *China Economic Weekly*, November 6. Available at: <https://finance.sina.com.cn/roll/20121106/012413583527.shtml> (accessed: 07.02.2020). (In Chinese)
9. Yan Jiang (2014), Arctic maritime shipping and its position in China's Arctic policy, *International Observer Journal*, iss. 1, pp. 123–137. (In Chinese)
10. Dong Limin (2015), China should make less reference to 'non-Arctic state' status, *International Polar and Maritime Portal*, May 31. Available at: <http://www.polaroceanportal.com/article/201> (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
11. Chinese Foreign Ministry spokesperson Hong Lei held a regular press conference (2015), *Website of the Embassy of the People's Republic of China in Switzerland*, November 20. Available at: http://ch.china-embassy.gov.cn/fyrth/201511/t20151120_3212433.htm (accessed: 07.02.2020). (In Chinese)
12. Gao Feng, Special Representative for Climate Change Negotiations of the Foreign Ministry of China — Full Speech (2019), *Channel of the Arctic Circle on YouTube*, December, 30. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=WaurtnBkYEI&list=PLI0a77tmNMvS3Gb3U9tB0T0CSkot7KYVc&index=65> (accessed: 07.02.2020).
13. *China's Arctic Policy White Paper* (2018). Available at: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/37884/Document/1618193/1618193.htm> (accessed: 07.02.2020). (In Chinese)
14. About Zhan Xia of the Office of Polar Policy Research, PRC PIIC, *Website of China Polar Research Unit*. Available at: <https://www.pric.org.cn/index.php?c=category&id=43> (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
15. Xu Qingchao and Wang Haimei (2021), Chinese Arctic Studies in the 21st Century: Progress and Challenges — Interview with Assistant and Research Fellow Xu Qingchao, *Journal of International Policy Studies* (Bimonthly Edition), iss. 4. Available at: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2021-08/20210831164833748161.pdf> (accessed: 08.12.2021). (In Chinese)

16. Jakobson L. (2012), Northeast Asia Turns Its Attention to the Arctic, *NBR Analysis Brief*, December 17. Available at: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/121712_jakobson_ArcticCouncil.pdf (accessed: 15.02.2021).
17. Lu Zhongyuan (2010), *Arctic Geopolitics and Confronting China*, Beijing: Actuality Publishing House. (In Chinese)
18. Li Zhengfu and Li Yi (2014), Analyzing the impact of Arctic sea lanes on the world shipping system, *Journal of World Geology Research*, vol. 23, iss. 1. <https://doi.org/10.3969/j.issn.1004-9479.2014.01.001> (In Chinese)
19. He Guangqian (2017), Analyzing and Explaining China-Arctic Connectivity: A Case Study of World Cartography, *International Policy Studies*, iss. 3. Available at: <https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2018-06/20180625100841465888.pdf> (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
20. *Keynote Speech by Deputy Foreign Minister Zhang Ming at the China Special Country Session of the 3rd Arctic Circle Assembly* (2015), October 10. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/201510/t20151017_7945486.shtml (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
21. Li Zhengfu and Li Shiyue (2020), Chinese Research on Arctic Issues: General Development Context, Support Mechanisms and Development of Knowledge Industries, *Journal of Russian, Eastern European and Central Asian Studies*, iss. 5. Available at: <http://www.oxyj-oys.org/UploadFile/Issue/viansrbu.pdf> (accessed: 08.12.2021). (In Chinese)
22. Sun Kai (2014), Engagement, Discursive Power Interaction and Identity Recognition — Making Sense of China's Engagement in Arctic Affairs, *Journal of World Economy and Politics*, iss. 7. CNKI:SUN:SJJZ. 0.2014-07-004 (In Chinese)
23. *Text of the report of China's Foreign Minister Wang Yi at the plenary session of the 3rd Arctic Circle Assembly* (2015), October 17. Available at: http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/tyfls_674667/xwlb_674669/201510/t20151017_7670418.shtml (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
24. Wang Yang attended the 4th International Arctic Forum “Arctic — Territory of Dialogue” (2017), *Xinhua*, March 31. Available at: <http://www.yuanyang.gov.cn/contents/104/9782.html> (accessed: 15.02.2021). (In Chinese)
25. Tang Jianye (2016), Protection of marine biological resources in international waters of the Arctic Ocean: a legal analysis of the initiative of the five Arctic coastal states, *Pacific Journal*, iss. 1. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2016.1.009> (In Chinese)
26. Guo Peiqing and Sun Han (2018), Russian-South Korean Cooperation in the Far East and the Arctic under the “New Northern Policy” and Lessons for China, *Pacific Journal*, iss. 8. <https://doi.org/10.14015/j.cnki.1004-8049.2018.8.001> (In Chinese)
27. *Japan's Arctic Policy. The Headquarters for Ocean Policy* (2015), October 16. Available at: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ar_e.pdf (дата обращения 16.12.2021).
28. Yuan Zunjie: China is an important stakeholder in Arctic affairs (2018), *Zhenmin Zhibao Foreign Edition*, January 29. Available at: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/ghsl/gnzjgd/46072.htm> (дата обращения 07.02.2020). (In Chinese)
29. Denisov, I. E. and Zuenko, I. Yu. (2022), *From Soft Power To Discursive Power: New Ideologemes of PRC's foreign policy*, Moscow: MGIMO Publ. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (accessed: 07.02.2020). (In Russian)
30. Xi Jinping's Speech at the Opening Ceremony of the Conference in Honor of the 60th Anniversary of the Five Principles of Peaceful Coexistence (full text) (2014), *Website of the Consulate General of the People's Republic of China in St. Petersburg*, June 29. Available at: http://saintpetersburg.china-consulate.gov.cn/chn/zgxw/201406/t20140629_3868222.htm (accessed: 07.02.2020). (In Chinese)
31. Build up ‘China's power’ to help build a new international order (2015), *Website of PRC State Council Press Office*, November 13. Available at: <http://www.scio.gov.cn/zhzc/10/Document/1455386/1455386.htm> (accessed: 07.02.2020). (In Chinese)
32. China in Global Governance (2016), *Xinhua*, November 22. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2016-11/22/c_1119967410.htm (accessed: 15.04.2020).
33. Xi Jinping's speech at the 70th session of the UN (full text) (2015), *Xinhua*, September 29. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (accessed: 15.04.2020).
34. President of Iceland: Welcome China as a future “active participant” in Arctic affairs (2012), *Website of China's State Council*, August 21. Available at: http://www.gov.cn/jrzq/2012-08/21/content_2207937.htm (accessed: 15.04.2020).
35. Yan Jiang (2015), Arctic Governance and China's Responsibility as a Major Power (2015), *International Polar and Maritime Portal*, April 19. Available at: <http://www.polaroceanportal.com/article/6> (accessed: 15.04.2020). (In Chinese)

36. Huo Jianguo (2019), 40th Anniversary of the Reform and Opening-up Policy, the capacity and level of engagement in international affairs continue to grow, *Journal of the Chinese People's Institute of International Affairs*. Available at: <http://www.cpifa.org/cms/book/136> (accessed: 15.02.2021).

37. Mikheev, V. (2009), East Asian “Multipolarity”: the Russia–China–USA Triangle, *World Economy and International Relations*, no. 1, pp. 17–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2009-1-17-25> (In Russian)

38. Li Zhengfu, Pei Shijie and Liu Sheng (2022), Analysis of the practice of participation of “near-Arctic” states in Arctic shipping, *Journal of Eurasian Economy*, iss. 3. Available at: http://www.ojji-oys.org/UploadFile/SiteContent/FJList/201606070001/2022/8//20220728113734WU_FILE_0.pdf?item_id=152637 (accessed: 04.03.2021). (In Chinese)

Received: April 12, 2024

Accepted: May 15, 2024

Author's information:

Nikolay A. Nikolaev — Junior Researcher; nikolaev.science1993@gmail.com